
АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

“ЕЙ СЛУЖИТЬ”

О новой книге Геннадия Иванова “Стихотворения”

1990-е и последующие годы, на которые приходится зрелость Геннадия Иванова, труднейшее время для России и русской культуры. Наглая американизация в виде масскультуры, оглупление, дебилизация, фальсификация, подделки, подмена, пиратство всех мастей, пропаганда свойств человека самого низменного порядка. Злобное шуткование над русскими и Россией бесчисленных комиков.

Такое не могло не заставить страдать глубоко русского поэта:

*Как много юмора вокруг,
Как много смеха.
Какая, в общем-то, кругом
Идёт потеха.
Идёт потеха: тра-ля-ля и трали-вали...
А миллионы земляков уже пропали...*

И в другом стихотворении:

*На первый план выходят комики.
На первый план выходят гномики.
На первый план выходят гомики.
Рыдай, великая страна...*

Конечно “не место им на первом плане быть у нас”, но кого из имущих власть и деньги это волнует? Те, кто должен руководить страной, прибегают на юбилей холёных хохмачей. Приезжают на “мерседесах” чиновники в храмы, охотно демонстрируя перед телекамерами свечу в руке.

Поэт видит порабощение великой страны, и в голову приходят жёсткие мысли о будущем русских:

*Что будет с нами, да, что будет с нами...
Если не будем себя защищать,
Нам не позволят быть даже рабами —
Нас убивать будут, не укрощать.*

*В нашей безвольной, безропотной стыни
Всё нам припомнят и всё нам зачтут:
Наши победы и наши святыни
Испепелят, изолгут и сотрут...*

*Хватимся вдруг, чтобы вырвать зубами,
Но будет поздно. И надо понять:
Нам не позволят быть даже рабами.
Так что не стоит об этом мечтать.*

Вытаптывание русской культуры, русского языка, унижение России происходит на фоне вымирания коренного населения (“По России безлюдье такое, / что завоешь во мраке полей”; “вымирает село за селом чередой”), это не может не вызывать у поэта щемящей тоски и боли:

*Как пустынно без церкви кладбище,
Без деревни — пустыньны поля.
Я теперь прохожу, будто нищий,
Там, где жизнь начиналась моя.*

*Зарастают деревни бурьяном.
Кто-то выглянет в редком окне.
Басовитые песни баянов
Только в памяти слышатся мне.*

*И теперь лишь на чудо надейся.
Что же стало с тобой, человек?
Люди русские, словно индейцы,
Доживают в бурьянах свой век.*

Таково же горевание и другого стихотворения:

*Камыши мои, осока и торфяники.
Мы не нация уже — только странники.
Мы блуждаем по земле, по своей отчине —
Оттирают нас другие к обочине...*

Кажется, нет просвета. Но Геннадий Иванов пишет своё программное стихотворение, где пафос возрождения прослеживается в могучей воле русских и чудодейственной воле Божьей:

*Я твержу себе снова и снова,
Что уж было написано “Слово
О гибели Русской земли”,
Но ведь выжили,
Превозмогли.*

Ещё в 1999 году Геннадий Иванов написал удивительное стихотворение — видение исчезающей, словно подземная река, но вновь и вновь выходящей на свет Божий Руси:

*Есть реки, которые вдруг пропадают из виду,
Уходят под землю и долго текут под землёй.
Россия — такая река, и теперь её ищут.
А где она выйдет, — об этом не знает никто.*

*Плывут пароходы и яхты плывут с катерами,
Рыбацкие лодки плывут по реке да баржи —
И всё пропадает под землю, плывёт под горами...
Плывут города и деревни, и солнце во ржи...*

В марте 2007 года во время празднования юбилея В. Распутина лучший русский прозаик дал интервью “Дню литературы” — там те же неразрешённые

вопросы относительно выживания Руси, её отстаивания. Мысль В. Распутина перекликается с мыслью Г. Иванова о том, что подлинная Русь ушла в невидимое миру пространство, осталась видимой лишь для тех, кто умеет её разглядеть, для тех, кто её понимает: “Россию, особенно сейчас надо искать в тысячелетней её толще. Надо искать в национальной России... Даже президент и его окружение взаправду или понарошку, но вынуждены говорить о национальной России. Пусть у них риторика будет, но – риторика национальная и патриотическая. Я думаю, это один из доводов к тому, что наши усилия не были напрасны...”

Не думаю, чтобы Россия взяла и исчезла... Не можем же мы за двадцать лет исчезнуть! Рим или Египет – страны, которые жили больше наверху (они исчезли столетия. – **А. Б.**). Россия всегда была утоплена глубже. Всегда жила какой-то подземной жизнью. При Иване Грозном и при Петре Первом, при Николае и при Сталине. Подземная Русь, как в айсберге, всегда была больше видимого внешнего слоя. Когда попытались извлечь уроки Октября, когда нынешние разрушители стали задумываться, почему воспрянула Россия после семнадцатого года, они пришли к правильному выводу – надо бороться с исторической Россией. Надо уничтожать ту невидимую подземную её часть. Они решили нынче поднять эту историческую невидимую подземную часть, слегка возвеличить, привести в Кремль, сделать видимой, приобнять, прославить. Они согласились даже с Православием и тоже привели Церковь в Кремль, с целью тут же подменить её, сделать её ряженой. С видимой Россией им легче бороться. В результате у нас сейчас наверху ряженая Русь, но подлинная Русь по-прежнему ушла в укрытие. Не согласилась существовать вместе с нынешней властью. Она опять в глубине. Когда надо, снова вернётся”.

Наша жизнь в широком пространстве космоса остаётся “маленькой”, как жизнь песчинки, а жизнь русской Земли значительна даже сегодня, к ней приобщиться стоит, и приобщиться защитником, служителем, радетелем её. Геннадий Иванов, как и другие русские поэты, видит не только официальную ряжено-лубочно-фальшивую, опошленную Россию. Он видит ту, скрытую от заезжих глаз, провинциальную и вечную, как космос, Россию:

*О чём писать, когда достигнешь рая?
Сияет солнце много дней подряд —
лучи в реке искрятся и горят,
а я брожу, от счастья замирая...*

Разрыв с отеческим миром в стихах многих поэтов – всегда бездомье, бесприютность, скитальчество. Только не у Геннадия Иванова. Его эта участь не постигла. Отъезд с родины – да. Разрыв с родиной – нет! Она всегда желанна, как дом родной и любимый. Невидимое миру счастье общения матери-земли с сыном струится меж строк и вольно дышит в стихах, связанных с описанием поездок за город, в родные равнины. Хочется, хочется, чтобы хрупкое равновесие русской природы не погибло, хотя люди уже не в силах охватить заботой всякий клочок родной земли. Хочется верить в оживление всех русских сил, верить: в масштабе страны возникнут такие условия, что русские снова придут на свою землю, в деревню, заново начнут осваивать нашу территорию.

*Ни тропаря, ни кондака не зная,
Стою стыдливо, слушаю, молюсь.
Я за тебя молюсь, родная Русь...
Да сохранится в Боге наш народ.
Пушай его рассеются враги.
Прошу: “России, Боже, помоги”.*

Красота русской земли разлита в стихах Геннадия Иванова, она в тысячах деталей по всему поэтическому цветотканному полю: “октябрь с золотым чемоданом / стоит на перроне и ждёт, / когда подойдёт его поезд. / Он скоро уже подойдёт”; “вот и снежный оркестр начинает мелодию вьюги...”; “и ромашки из сонного лога / излучали свой свет в темноту”...

Но поэт не просто восхищается красотой Руси. Он готов отстаивать её словом и делом. И в этом патриотическом воодушевлении – нерв поэзии Геннадия Иванова:

*Ты говоришь о вечном и простом:
Спасти Россию можно лишь терпением —
Ты говоришь: молитвой и постом!
Но я добавлю: волей и служением!*

*Не просто жить — как по течению плыть.
Не просто жить, как лебеда и тополь...
Служить России, “рваться ей служить”,
Как в “Выбранных местах...” заметил Гоголь.*

Саратов